

Йордан Люцканов  
**Набросок культурно-исторического комментария**

Маленькая монография Бицилли интересна тем, что она применяет знание формалистов о „сделанности“ любой, сколь ни было внешне-безыскусной, „простой“, формы, к материалу, осмысляемому в его историческом контексте. И тем, что демонстрирует образовательное значение литературы как носителя литературной *формы*, а не как носителя идеологии. В первом направлении она актуальна в первой половине 1930-х гг. тем, что имплицитно полемизирует с, ставит под сомнение советский поворот к „реализму“, к кажущейся безыскусной достоверности, к иллюзионизму, в форме социалистического реализма. Во втором направлении она следует „веховской“ критике сверхидеологичности литературного сознания позднероссийского образованного общества (интеллигенции), сверхидеологичности, сохранившейся и в Советской России<sup>1</sup> и в эмиграции. И в том и в другом она продолжает революцию сознания конца 18 века (революцию, приведшую к различению человека и писателя, самораскрытия интимного и опосредованного искусством, и т.п.)<sup>2</sup> в поле литературной истории и теории. Продлевает и продолжает культурный процесс, понимаемый как процесс роста (само)сознания и усложнения понятийных дистинкций, в сопротивлении снятию последних политикой (будь она консервативной, либеральной или большевистской).

В-третьем, она артикулирует мысль о важности, необойдимой важности, ‘архипелагической’ структуры культурного пространства (отличаемой от ‘материковой’), точнее, его географической, социальной и коммуникативной основ. Дает возможность *оправдания* „архипелагической“ структуры, по аналогии; оправдания эмиграции, как культурного и исторического коррелята политической позиции, противопоставляющейся веяниям и настроениям, наиболее четко выразившимся в „сменовеховстве“, а потом в младоросской идеологии. (Эмиграция – общность выбирающих жить ‘архипелагически’, не сотворяющих из(-за) своей ностальгии по ‘материку’ – или из(-за) своей зачарованности идеей ‘материка’ – себе кумира.) Выводимую отсюда абстрактную топологию можно противопоставить топологии, связываемой с Россией-Евразией Петром Савицким (сплошное широтное расположение климатических-почвенных-культурных поясов, в отличие от „мозаичного“ в Европе).

Мыслима ли такая интенция или хотя бы безотчетная склонность – оправдания эмигрантской современности и ‘со-местности’ по формуле ‘так было, почему бы снова не быть подобному?’ – у Бицилли? Ответ на этот вопрос не входит в задачи настоящей заметки.

В свете российской интеллектуальной истории, оппозицию „архипелагического“ и „материкового“ можно понимать как развитие оппозиции „кочевого“ и „оседлого“, как диалектическое развитие интуиции пространства-„оползня“ (Петр Чаадаев), позволяющее обосновать аффирмативное отношение к первому члену оппозиции – не оползень, но архипелаг очагов культуры, – оберегаясь от апологии „стихийности“, „кочевничества“, ‘природности-как-настоящей-культурности’. В конце концов, имеет отношение к самоотмежеванию Бицилли от евразийства (в плане персональном) и к обоснованию исторического смысла эмиграции (в плане групповом).

---

<sup>1</sup> Сознательно пользуюсь возможностью, присутствующей на окраине пунктуационной нормы, дать конструкцию „и..., и...“ без запятой.

<sup>2</sup> Эта революция – сквозная тема маленькой монографии.

Как (невольную?) аллюзию на второй из названных планов можно понимать и сопоставление между развитием западноевропейских и русского литературных языков. Один из аспектов этого сопоставления относится к последовательности выработки нормативного языка и появления выдающихся литературных образцов; в русском случае выработка языка образованным слоем в текстах для „собственного пользования“ *предшествовало* появлению признанных поверх сословных и образовательных различий поэтических гениев. „В западноевропейском культурном мире эта проблема воспринималась прежде всего как проблема объединения и развития языка, уже созданного большими поэтами“. Российская ситуация 18-го – начала 19-го вв. представляется прецедентной по отношению к ситуации эмиграции 1920-х – 1930-х гг. и по признаку наличия/отсутствия общепризнанных литературных гениев. (Оставим в сторону Ивана Бунина). Выводимая Бицелли модель возникновения русского литературного языка имеет потенциал защитить перспективу культурного будущего эмиграции на фоне сомнений, что большинство литературных гениев (в т.ч. Поэтов) остались в Советской России (остались ли и в живых, это отдельный вопрос). Потенциал риторический – но и потенциально научный, ибо основан на определенном теоретическом понимании истории (в наиболее общем смысле – как циклической). От идеи возникновения русского литературного языка посредством „домашней“ литературы, создаваемую в „дворянских гнездах“ как средство саморефлексии, тянутся полемические нити и к народнической традиции критики не служащей народу интеллигенции как исторически и социально бесполезной.

Локализация же возникновения литературного языка и классической литературы не в „обществе“, а в поместьях уплотняется, на заднем плане работы, такой же локализацией возникновения нового гражданского самосознания.

Работа дает и возможность оправдания эстетического консерватизма большинства эмигрантской публики, хотя бы вне Парижа: через историзацию, деконструкцию и в конце концов оправдание того, что можно принять за непредвзятость, безыскусственность, удаленность от видимой литературности, будь она классицистической или модернистской (авангардистской).

Затем, здесь и контекстуализация, почти в масштабах „большого времени“, явления Бунина и его стиля. С одной стороны, они отгораживаются – в полемическом либо антиципирующем порядке – от любых опытов их символического приобретения „слева“ и с позиций эстетики и литературной истории, превозносящих упрощенно понимаемый „реализм“. С другой стороны, Бунин видится как конечное (или близкое к конечному) звено длительного исторического процесса, ...этап в жизни немолодого культурно-исторического организма: эмигрантской литературе мягко рекомендуется начинать новый цикл развития.

Наконец, литературно-социологическими соображениями о трудности проведения границы между интимным кругом читателей и обществом, массой, Бицелли участвует, пусть и боком и не броско, в теоретических изысканиях на тему коллективной личности (наиболее четко сказались они в известной теории симфонической личности Льва Карсавина – тех же лет), в опытах преодоления и индивидуализма, и коллективизма как последних инстанций знания о мирах историческом и социальном.

Сквозная литературно-теоретическая тема данной работы Бицелли – литературность, незаметность литературности и границы ее с нелитературностью, литературность как интенциональный факт (недостаточность рецептивного критерия).